

УДК 327.82

ГЛОБАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ США В ПРИЛОЖЕНИИ К СНГ

© 2011 г. **М.А. Троицкий***
Институт США и Канады РАН, Москва

В 2009–2010 гг. политика администрации Обамы в отношении соседних с Россией стран и регионов диктовалась глобальными целями США на международной арене. В силу ограниченности ресурсов и обострения проблем распространения ОМУ, религиозного экстремизма и этно-политических конфликтов Вашингтон отказался от вызывавших трения с Москвой частных аспектов американской политики на постсоветском пространстве. Данный подход позволил активизировать российско-американское сотрудничество, которое, однако, может быть в очередной раз свёрнуто, если стороны откажутся от общей глобальной повестки дня взаимодействия.

Ключевые слова: США, Россия, внешняя политика, безопасность, глобальные проблемы, Содружество независимых государств, Украина, НАТО, Восточная Европа, Центральная Азия, Закавказье, Иран, нераспространение, сдерживание, демократизация, экстремизм, наркотрафик.

Отношения США со странами – соседями России претерпели значительные перемены на протяжении последних двадцати лет. В начале и середине 1990-х годов Вашингтон пытался содействовать политическим и экономическим реформам этих государств, а также стремлению утвердить их в международных делах в качестве самостоятельных субъектов, чей суверенитет не оспаривался бы Москвой. Данная политика «геополитического плюрализма» была продиктована соображениями, связанными только с самими странами СНГ, включая Россию.

Ситуация изменилась к концу 1990-х годов, когда движущие силы политики США в Восточной Европе, Закавказье и Центральной Азии приняли «континентальный», евразийский характер. В круг интересов США вошли строительство трубопроводов, соединяющих страны СНГ с другими государствами Евразии, и использование потенциала некоторых членов Содружества в противодействии талибам в Афганистане или сдерживании Ирана. В этот период США также стали интересоваться проблемами разрешения постсоветских конфликтов и активизировали свои посреднические усилия.

К концу XX века соображения, которыми руководствовался Вашингтон в политике на пространстве СНГ, стали в полной мере глобальными. Партнёрство с Россией и её соседями рассматривалось американскими стратегами как реакция на подъём влияния Китая, поддержкой глобальных режимов нерас-

* **ТРОИЦКИЙ Михаил Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент. E-mail: Mikhailtroitskiy@gmail.com

пространения и контролем над вооружениями, борьбой с транснациональными проявлениями религиозного экстремизма и выработкой модели межгосударственного взаимодействия в Арктическом регионе.

В условиях начала 2010-х годов методологически и содержательно неоправданным становится анализ политики США в отношении отдельных стран или региональных сегментов СНГ в отрыве от окружающей эти государства и регионы глобальной среды. Тем более непродуктивно рассматривать отдельно отношения США с конкретными странами – соседями России в попытке найти особую логику в эволюции каждого двустороннего комплекса отношений.

Трансформация американского подхода

С начала 1990-х годов в каждом из трёх сегментов СНГ – восточноевропейском, закавказском и центральноазиатском – у США был отдельный доминирующий интерес. Так, Вашингтон старался помочь Украине и Молдавии в их проектах нациестроительства, направленных, прежде всего, на укрепление национальной идентичности и государственного суверенитета. В Закавказье США интересовали нефтегазовые ресурсы Азербайджана, возможности подключения к урегулированию нагорно-карабахского конфликта и показательной демократизации Грузии. Наконец, в Центральной Азии просматривались угрозы религиозно окрашенного экстремизма, с середины 1990-х подпитываемого гражданской войной в Афганистане.

В рамках перехода к «трансконтинентальным» мотивам политики в СНГ в середине первого десятилетия 2000-х годов Вашингтон реализовал административно-бюрократическое отделение центральноазиатского субрегиона СНГ от восточноевропейского и закавказского. С 2005 г. отношения США с государствами Центральной Азии были переданы в ведение Управления по делам Южной и Центральной Азии Государственного департамента, в то время как Закавказье, наряду с другими европейскими государствами (включая Россию), осталось в компетенции Управления по делам Европы и Евразии. Управление по делам Южной и Центральной Азии также занималось отношениями США с Индией, Пакистаном, Афганистаном, Непалом, Бангладеш, Шри Ланкой и Мальдивами.

Каждое из географических управлений дипломатического ведомства, включая два вышеуказанных, возглавляется помощником государственного секретаря, ответственным за конкретные географические направления внешней политики.

Соединение проблематики Южной и Центральной Азии в рамках одного управления Госдепартамента отражало изменение в американских официальных представлениях об оптимальных путях регионализации на юге и в центре Евразии. Подобное предложение уже вносилось в середине первого десятилетия 2000-х годов рядом влиятельных американских экспертов [15]. Путь к ускоренному экономическому развитию пяти центральноазиатских государств СНГ виделся Госдепартаменту в сближении этих стран с Индией, Пакистаном и Афганистаном. Соответственно, Вашингтон планировал содействовать снятию торговых и иных барьеров между государствами, отнесёнными Госдепар-

таментом к сфере ответственности Управления по делам Южной и Центральной Азии.

В самих государствах Центральной Азии (прежде всего, в наиболее экономически развитом Казахстане) такая реформа структуры Госдепартамента была изначально воспринята как показатель снижения значения этих стран в системе внешнеполитических приоритетов США. Казахстан, стремившийся утвердить себя в качестве евразийской (т.е. в не меньшей степени европейской, чем азиатской) державы и председательствовавший в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в 2010 г., был разочарован подобной реструктуризацией. Астана была недовольна американскими предложениями регионального строительства, в соответствии с которыми ей предлагалось, прежде всего, сделать более либеральными торговлю и режим передвижения людей с южными соседями, а не с Россией или КНР. Взаимодействие с последними у Казахстана шло неизмеримо более интенсивно.

Внешне разрозненные проблемы, возникавшие по южному контуру Евразии в начале 2000-х годов, постепенно оформлялись в комплексную угрозу. Суть её заключается в возникновении смеси религиозного экстремизма и распространения опасных военных технологий, в первую очередь, оружия массового уничтожения (ОМУ).

Эта угроза затрагивала и страны Европейского Союза, поскольку в них имелись значительные группы граждан с Ближнего Востока, склонные к радикализации на почве религии и при этом имеющие право безвизового въезда в США. Наличие опасности террористических нападений в самих западноевропейских странах даже привело в 2010 г. к предупреждениям со стороны Государственного департамента в адрес американских граждан относительно рисков, связанных с поездками в Западную Европу.

На политику США в СНГ оказывали воздействие и интересы Вашингтона в отношении Турции, которая в конце прошлого века активизировалась на международной арене. Она, в частности, стремилась закрепить за собой роль посредника в разрешении конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке и в Закавказье. При этом в контексте напряжённости, нараставшей в странах ЕС между населением этих стран и исповедующими ислам этническими меньшинствами, серьёзное рассмотрение вопроса о принятии в Евросоюз Турции явно откладывалось на неопределённое время. В такой ситуации ключевой для США целью является сохранение привязки Турции к Западу как посредством НАТО, так и двусторонних отношений между Вашингтоном и Анкарой. США, несомненно, учитывали это, формулируя свой подход к урегулированию конфликта вокруг Нагорного Карабаха или поддерживая развитие тех или иных маршрутов транспортировки нефти и газа из бассейна Каспия на мировые рынки.

Политика США в отношении Закавказья в начале 2000-х годов учитывала не только фактор Турции, но и – в большей степени – проблему Ирана. С точки зрения американского политикоформирующего сообщества, Турция, Иран и закавказские государства представляют собой единый комплекс. Продолжением этого комплекса в восточном направлении являлись Афганистан и Пакистан, а затем – Индия. С ними тесно связан и Китай – как через Центральную Азию и Иран, откуда КНР получает энергоносители, так и через Афганистан,

где Пекин также старается утвердиться в роли прогрессивного развивающегося государства, оказывая помощь в инфраструктурных проектах.

Все эти обстоятельства определили в начале 2010-х годов подходы США к восточноевропейским, закавказским и центральноазиатским государствам СНГ с учётом практически всех важнейших направлений международной стратегии Вашингтона, включая нераспространение оружия массового уничтожения, предотвращение региональных конфликтов, борьбу с исламским экстремизмом и тестирование дальнейших внешнеполитических намерений Китая.

В условиях быстрого относительного роста влияния в мире других центров силы, признанного ведущими американскими политиками и экспертами [17], Вашингтон, вероятно, не может позволить себе реализацию отдельных, особых стратегий не только в отношении второстепенных по значимости, но даже и геополитически важных регионов мира, каковым является, например, Центральная Азия. Соединённые Штаты стремятся выстроить максимально чёткую систему приоритетов внешней политики и политики безопасности. Администрация Буша-мл., например, признавая наличие глобальных проблем нераспространения и религиозного экстремизма, искала для них региональные решения (демократизация государств Ближнего Востока, уничтожение экстремистов в Афганистане, сдерживающие Китай коалиции в Восточной Азии). А при президенте Б. Обаме Вашингтон предпочитает искать глобальный многосторонний ответ на глобальные проблемы.

Судя по «Стратегии национальной безопасности США», обнародованной в мае 2010 г. [9], администрация Обамы отделила государства, значимые для реализации важнейших целей внешней политики США, от стран, которые важны для США, однако помочь в реализации основной американской внешнеполитической повестки дня могут только косвенно. Во вторую группу попали, например, государства Центральной и Восточной Европы, чьи внешнеполитические запросы США должны учитывать, чтобы подтвердить сплочённость НАТО как альянса и продемонстрировать военно-политическую поддержку государств с либерально-демократическими режимами.

Россия же была включена в группу государств, партнёрство с которыми напрямую помогает решать проблемы безопасности Соединённых Штатов. Москва, взаимодействуя с Вашингтоном в разрешении глобальных проблем контроля над вооружениями и нераспространения, а также помогает на региональном уровне в Афганистане, готова на координацию своей политики в отношении Ирана и обсуждение будущей роли Китая в мировой политике.

Важным аспектом трансформации американского подхода к отношениям со странами СНГ при Обаме стало то, что «продвижение демократии», которое рассматривалось администрацией Буша-мл. в первую очередь как оперативно-тактическая деятельность по расшатыванию и смене авторитарных режимов, уступило место напористому, но вместе с тем, сдержанному подходу Вашингтона.

Таким образом, с точки зрения методологии анализа политики США на пространстве СНГ, теряет смысл поиск специфических мотивов и целей Вашингтона в отношениях с отдельными государствами или даже их небольшими группами. Например, подход США к России претерпел трансформацию с

начала 2009 г. именно потому, что в Белом доме было решено привести отношения с Москвой в соответствие с ключевыми глобальными приоритетами политики США. (Соответственно, содержание и форма российско-американских отношений могут измениться, если будут пересмотрены глобальные цели и стиль американской политики.)

Аналитику, старающемуся объяснить и предсказать развитие американской политики в отношении СНГ, необходимо, прежде всего, задаться вопросом: преследованием каких глобальных целей США является подход Вашингтона к соседним с Россией государствам?

Факторы формирования политики США и сценарии развития ситуации в СНГ

Текущими аспектами глобальной стратегии Вашингтона, влияющими на формирование политики США в СНГ, являются:

1. Перспективное сокращение и предстоящий вывод многочисленных американских боевых соединений из Афганистана, включая и участвующих в Международных силах содействия безопасности (МССБ);
2. Сдерживание влияния России в окружающих её государствах;
3. Укрепление энергетической безопасности США и развитие американской системы альянсов в Евразии.

Каким образом деятельность США на каждом из этих направлений может повлиять на ситуацию в странах СНГ, располагающихся вокруг России?

Свёртывание присутствия международных сил в Афганистане. Вывод из Афганистана контингентов войск США и их союзников по Международным силам содействия безопасности может поставить Россию перед сложными задачами поддержания стабильности в прилегающей к российским границам Центральной Азии, а также привести к осложнению отношений Москвы с Пекином и Вашингтоном. Соответствующие планы активно обсуждаются в американском политикоформирующем сообществе.

Вскоре после прихода в Белый дом президент Обама заявил, что сокращение американских войск в Афганистане начнётся в июле 2011 г. На саммите НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 г. середина 2014 г. была объявлена в качестве момента передачи ответственности за поддержание мира и безопасности в Афганистане национальным силам армии и полиции. Пока же на протяжении 2009–2010 гг. Вашингтон нарастил численность своего контингента в этой стране приблизительно до 100 тыс. военных, стремясь добиться решающей победы над силами движения «Талибан». К осени 2010 г., однако, в США активизировались критики сохранения значительных американских сил в Афганистане. В такой ситуации администрация Обамы оказалась вынуждена искать и в явном виде формулировать стратегию «выхода из Афганистана», несмотря на возможные издержки предварительного объявления сроков значимого сокращения контингентов. С октября 2010 г. командование коалиционных сил стало оказывать содействие переговорам между властями Афганистана и представителями талибов. Сам факт проведения данных переговоров при наличии непримиримых противоречий идейно-религиозного и политического ха-

рактера между президентом Афганистана Х. Карзаем и лидерами талибов свидетельствовал о том, что США и их союзники крайне низко оценивали перспективы окончательной победы над экстремистами и были готовы рассматривать практически любые «пути к отступлению».

Если США действительно решат быстро сократить численность своих боевых соединений в Афганистане и в конечном счёте вывести их, то сохранение там существенных воинских контингентов других стран (в первую очередь, членов НАТО) представляется маловероятным. Таким образом, присутствие контингентов в этой стране, которые были бы способны оказывать видимое воздействие на состояние внутренней безопасности, может фактически быть свёрнуто в ближайшей перспективе – в течение двух-трёх лет.

На глобальном уровне возможный уход многочисленного американского боевого контингента и МССБ из Афганистана может быть воспринят исламскими экстремистами по всему миру как победа: те, кто требовал ухода «неверных», добились своего – во всяком случае, в Афганистане. Авторитет этих сил резко вырастёт в глазах не только афганцев, но и жителей соседних с Афганистаном государств СНГ – в первую очередь, Таджикистана и Узбекистана. Он также затронет Киргизию и, возможно, Казахстан. Это может привести к подъёму исламистски настроенных оппозиционных сил в государствах Центральной Азии при сочувствии и прямой поддержке из Афганистана. Как и во время властвования в Афганистане режима талибов в конце 1990-х годов, можно ожидать серии прорывов вооружённых групп экстремистов из Афганистана в северном направлении. Воздействие «успеха» исламистов в Афганистане на ситуацию в Центральной Азии может быть ограничено тем фактом, что «победа» над международной коалицией будет присвоена себе афганскими пуштунами – талибами, которые снова, как в 1990-е годы, вступят в столкновение с этническими таджиками и узбеками. В любом случае России, КНР, США и другим международным игрокам придётся столкнуться с подъёмом экстремизма в странах Центральной Азии.

В подобных условиях США захотят сохранить возможности базирования на территории стран этого региона, которые, скорее всего, будут готовы такие возможности американцам предоставить при отсутствии жёсткого сопротивления со стороны России или Китая. Имея в виду собственное ослабление влияния в странах Центральной Азии, Москва, вероятно, не будет настаивать на уходе американских контингентов с базы в Манасе (Киргизия), а также блокировать другие возможности сотрудничества стран региона с США в сфере безопасности.

Можно также спрогнозировать негативное отношение Пекина к сохранению военного присутствия Соединённых Штатов в Центральной Азии. КНР будет предлагать России оказать дополнительный нажим на США, однако в одиночку Пекин, скорее всего, не станет выдвигать жёстких требований к своим центральноазиатским соседям, рискуя резко ухудшить отношения с ними. В условиях нарастания экстремистских настроений и в свете опыта февраля 2010 г., когда Москва и ОДКБ заняли выжидательную позицию и не оказали силовой поддержки свергаемому политическому режиму в Киргизии, Бишкек

и Душанбе будут проявлять дополнительную заинтересованность в помощи США в сфере безопасности.

Военно-политическое сотрудничество облегчит для Вашингтона взаимодействие с государствами Центральной Азии по проблемам добычи и транспортировки энергоносителей. Это будет иметь значение, если откроются принципиально новые возможности вывода их нефти и газа на мировые рынки – например, через Каспийское море и Закавказье или Иран. Вашингтон будет более заинтересован в объединении экономических и социально-политических пространств Центральной и Южной Азии, в результате которого более благополучные и относительно стабильные государства Центральной Азии (прежде всего, Казахстан), а также Индия могли бы способствовать экономическому развитию Афганистана и северо-восточных территорий Пакистана.

Расширение и укрепление системы многосторонних союзов США. Уход из Афганистана – постепенный или форсированный – вызовет сложности с поддержанием традиционного союза США с государствами евроатлантической зоны. Во-первых, НАТО потеряет важную миссию, которая до сих пор позволяла сплачивать альянс и привлекать к сотрудничеству в реальных боевых условиях государства, заявлявшие о своём желании присоединиться к блоку. Под вопросом окажется эффективность самой НАТО как военно-политического союза, способного силовыми методами добиваться выгодных для себя исходов в конфликтах. Во-вторых, дополнительные трения в НАТО породят стремление Вашингтона привлечь союзников к продолжению проекта нацестроительства в Афганистане, реализация которого будет крайне затруднена после вывода американских вооружённых сил и сил коалиции.

Как до, так и после сокращения воинских контингентов для реализации своих целей в Афганистане Вашингтону потребуется усиленная политическая поддержка. Это особенно чётко осознаёт президент Б. Обама, пытающийся на протяжении всего срока своего пребывания у власти наладить многостороннее сотрудничество по афганской и другим проблемам. В такой ситуации Соединённым Штатам важно обеспечить подтверждение признания своего лидерства в существующих союзах, а также утвердить ценность последних в глазах других государств-участников. Только так можно сохранить прочность связей внутри НАТО и поддержать интерес государств, не входящих в альянс, к сотрудничеству с ним.

В такой ситуации логичным выглядело бы ускоренное включение в НАТО ряда государств СНГ, заявлявших в разное время о своём желании присоединиться к Североатлантическому альянсу. Подобное расширение, однако, породило в 2008–2010 гг. жёсткое противодействие со стороны России, что сделало практически невозможным включение в альянс в обозримой перспективе Грузии. Украина же после прихода к власти в 2010 г. президента В. Януковича модифицировала свой подход к потенциальному членству в НАТО. Проявив гибкость, Вашингтон адаптировал свою позицию соответствующим образом.

Помощник госсекретаря – руководитель Управления по делам Европы и Евразии Ф. Гордон, выступая в октябре 2010 г. в Школе перспективных международных исследований Университета Джонса Хопкинса, не упомянул про

возможное расширение НАТО при описании целей политики США в отношении альянса. Гордон сказал лишь о планах создания «новых партнёрств и углубления существующих партнёрских отношений». Вместе с тем, в контексте общих задач США и Европейского Союза он указал на необходимость продолжения процесса европейской интеграции с подключением к нему балканских и закавказских государств. Расширение Евросоюза, по его мнению, всегда помогало «укреплять и поддерживать демократические режимы» в странах Центральной и Восточной Европы [3].

Несколько ранее Вашингтон перестал призывать к форсированному вступлению в НАТО Украины. Так, выступая в Киеве в июле 2010 г., госсекретарь США Х. Клинтон заявила о своём уважении к выбору Украины, выраженному в законе «О принципах внутренней и внешней политики» от 1 июля 2010 г. В соответствии с этим законом Украина отказывалась от подачи заявки на вступление как в НАТО, так и в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), следуя тем самым своему «внеблоковому» статусу [14].

Тогда же Х. Клинтон признала, что наиболее логичной для Украины была бы «сбалансированная политика развития отношений с США, Европейским Союзом и Россией», причём США «поддерживают Украину в её стремлении найти соответствующий баланс» [14]. Тем самым госсекретарь отмежеввалась от политики «жёсткого выбора» в отношении Украины, характерной для администрации Буша-мл.

В соответствии с бушевским подходом, Украине (как и большинству других государств – соседей России) предлагалось сделать однозначный и окончательный выбор союзника. В качестве возможных альтернатив предлагались Запад (США и Европейский Союз) или Россия. Данный выбор, в представлении администрации Буша, являлся воплощением исторической «развилки» между развитием демократических институтов и реакционным авторитаризмом. По пути радикального выбора в пользу Запада пошёл с 2005 г. президент Украины В. Ющенко, что привело – наряду с другими причинами – к снижению его популярности среди украинских избирателей и победе В. Януковича на президентских выборах февраля 2010 года.

В условиях, когда немедленное расширение НАТО не представлялось более возможным, политика «перезагрузки» отношений Вашингтона с Москвой принесла ощутимые результаты. США сконцентрировались на поиске путей приемлемого для себя подключения России к евроатлантической системе безопасности и активизировали посреднические усилия в разрешении конфликтов на пространстве Евразии.

С 2009 г. США постепенно снижали накал противоречий с Россией по грузинской проблематике, осознавая, что в сложившихся условиях после признания Москвой Южной Осетии и Абхазии комплексное решение проблемы территориальной целостности Грузии возможно только в долгосрочной перспективе. Вашингтоном была, очевидно, проведена переоценка значимости Грузии в списке внешнеполитических приоритетов США. Во время визита в Тбилиси в июле 2010 г. Х. Клинтон назвала два мотива поддержки Грузии Соединёнными Штатами. Во-первых, по словам госсекретаря, идеи грузинской «революции роз» 2003 г. в значительной степени соответствовали «американским

идеалам», которые легли в основу США как государства. Х. Клинтон пояснила, что речь идёт о мирном отделении Грузии от «колониальной державы» и преодолении наследия «колониализма». Во-вторых, по её мнению, достойны поддержки усилия современной Грузии по развитию демократических институтов и реформированию экономики в либеральном ключе. Таким образом, госсекретарь постаралась объяснить причины поддержки Вашингтоном Тбилиси почти исключительно идейно-ценностными аргументами. В отличие от высокопоставленных дипломатов администрации Буша Х. Клинтон не поднимала геополитически окрашенных вопросов, связанных, например, с прохождением трубопроводов через территорию Грузии [13].

Администрация Обамы также проявляла сдержанность в поставках Грузии вооружений и военной техники, что вызывало недоумение грузинской стороны, высказанное, в частности, в адрес американского госсекретаря на её совместной пресс-конференции с грузинским президентом. Тем не менее, большую часть из суммы в 1 млрд. долл., обещанной США Грузии в качестве гуманитарной помощи сразу после войны августа 2008 г., Вашингтон выплатил уже после прихода к власти президента Обамы. По информации вашингтонских наблюдателей, руководители Государственного департамента и после 2008 г. пребывали в тесном контакте с президентом Грузии М. Саакашвили [5].

После войны на Кавказе 2008 г. различия в подходах к урегулированию являлись наиболее сложным сюжетом российско-американских отношений. Две наиболее острые и взаимосвязанные проблемы заключались в присутствии российских войск на территории Грузии, а также в различии взглядов Москвы и Вашингтона на возможность признания Абхазии и Южной Осетии независимыми государствами. Эти расхождения имели ряд практических последствий для реализации целей российской внешней политики. Так, в 2010 г. Грузия продолжала создавать препятствия для вступления России в ВТО, настаивая на применении норм грузинского таможенного режима на границах России с Абхазией и Южной Осетией [10].

Вместе с тем, при всей тупиковости ситуации вокруг отколовшихся от Грузии республик данная проблема не выходила на передний план российско-американского взаимодействия. Во-первых, признавая наличие противоречий, Москва и Вашингтон на протяжении 2010 г. прощупывали возможности приблизиться к устраивающему большинство сторон промежуточному решению. Так, на переговорах в Женеве обсуждалось вероятное российско-грузинское соглашение о взаимном неприменении силы, а также варианты названий миссии Европейского Союза, которая могла бы заниматься мониторингом ситуации в зоне конфликта. Во-вторых, неурегулированность ситуации вокруг Абхазии и Южной Осетии заставляла Россию совместно с США и другими посредниками активизировать поиск путей разрешения других «замороженных» конфликтов – нагорно-карабахского и приднестровского.

Так, выступая в Баку в июле 2010 г., Х. Клинтон приветствовала российские посреднические усилия по Нагорному Карабаху [12]. Несмотря на рекомендации ряда американских экспертов, по мнению которых существующие механизмы урегулирования нагорно-карабахского конфликта устарели и требуют замены [16], госсекретарь в ходе визита в Баку и Ереван в июле

2010 г. неоднократно ссылалась на Минскую группу ОБСЕ как на эффективный форум посредников и упоминала о том, что США работают в нём в сотрудничестве с двумя другими сопредседателями-посредниками – Россией и Францией [11].

Позиция Вашингтона по конфликту вокруг Приднестровья при администрации Обамы была «деполитизирована». США отошли от поддержки инициатив по радикальному изменению статус-кво в конфликте и не стремились предъявлять к приднестровской стороне требования немедленной реинтеграции в состав Молдавского государства. Соединённые Штаты полагали, что проблемы Косово, чья независимость была признана Вашингтоном, является «уникальным случаем», который не может создавать прецедент для других конфликтов самоопределения, включая приднестровский [4].

В целом с 2009 г. США не создавали препятствий посредничеству России в разрешении конфликтов в соседних с ней регионах. Вашингтон видел в Москве скорее партнёра, чем оппонента в посреднической миссии. Это свидетельствовало, в частности, о том, что восприятие «игры с нулевой суммой» на пространстве Евразии успешно преодолевалось.

Аналогичные процессы отхода от «игры с нулевой суммой» произошли и в сфере энергетической безопасности. Здесь они были простимулированы, в первую очередь, объективными обстоятельствами снижения спроса на углеводороды в результате мирового экономического спада 2008–2009 гг. [6]. В сложившейся ситуации России не нужно было резервировать максимально возможный объём туркменского газа (что ранее вызывало сопротивление США, поддерживавших проекты транскаспийских трубопроводов), поскольку соответствующего спроса более не существовало ни в России, ни в европейских государствах, в которые Россия реэкспортирует природный газ.

В то же время стало ясно, что ввиду географической близости все излишки центральноазиатских углеводородов захочет и сможет приобрести КНР, запустившая в конце 2010 г. газопровод «Туркмения – Китай» и ранее закончившая строительство нефтепровода из Казахстана в Синьцзян-уйгурский автономный район. Существенного влияния на эту трансформацию магистральных путей поставок нефти и газа из Центральной Азии не могли оказать ни США, ни Россия. Москва при этом заявляла, что не видит в увеличении поставок углеводородов из Центральной Азии в Китай угрозу своим интересам [1].

Сдерживание России. На фоне успехов во взаимодействии США с Россией в сфере контроля над вооружениями (подписание Договора СНВ-3 в апреле 2010 г. и его вступление в силу в феврале 2011 г.), ведения кампании в Афганистане и противодействия потенциально опасным аспектам ядерной программы Ирана, в политикоформирующих сообществах России и США активизировался поиск путей институционализации сотрудничества Москвы и Вашингтона. На протяжении 2010 г. обсуждались возможности участия России в совместных с США и их союзниками по НАТО региональных системах ПРО, а также варианты нового формата российско-натовского взаимодействия. В таком политическом контексте традиционные аргументы о необходимости сдерживать Россию – как в смысле сокращения её влияния на соседние государства,

так и сохранения у США потенциала ракетно-ядерного устрашения – стали подвергаться частичной эрозии. Аналогичные вопросы были подняты и некоторыми российскими наблюдателями [2]. Тем не менее, в США политикам и экспертам было рискованно (с точки зрения репутации и популярности среди коллег) подвергать сомнению целесообразность сдерживания влияния России в странах СНГ. В американском политикоформирующем сообществе существовало согласие относительно необходимости предотвратить сценарий «восстановления Советского Союза», сколь бы маловероятно он ни выглядел. Однако по поводу того, какими объективными критериями американской администрации следовало бы руководствоваться в её оценке действий России в СНГ, консенсус отсутствовал.

На вопрос о том, почему Соединённым Штатам вообще требуется сдерживать Россию в СНГ, американские политики и эксперты давали несколько вариантов ответа. Все они сводились к особенностям восприятия России, сложившимся в американском политикоформирующем сообществе. Ключевыми аспектами этого восприятия представляются следующие тезисы:

- *«Большая» и склонная к экспансии Россия «давит» малые государства, которые стремятся союзничать с США. Поэтому Вашингтону необходимо помочь малым государствам в укреплении автономии от России.* Вместе с тем, нельзя не заметить, что ряд стран СНГ (например, Казахстан или Украину) нельзя причислить к малым и даже средним. Кроме того, не все страны СНГ, жаловавшиеся на давление со стороны Москвы изъявляли желание сотрудничать с США (например, Белоруссия).

- *Страны – соседи России демократизируются быстрее, чем сама Россия, которая препятствует их демократизации как целенаправленными действиями, так и своим примером. Внешняя поддержка демократических реформ в этих странах могла бы подстегнуть аналогичные процессы в России, с которой Западу, в том числе США, было бы проще взаимодействовать в случае демократизации.* Тем не менее, некоторые страны СНГ (например, Грузия), воспринимаемые западным общественным мнением в качестве активно демократизирующихся, проявляли тенденцию к авторитаризму. Результатом относительной либерализации политического режима в Киргизии в начале 2000-х годов стала череда государственных переворотов. Кроме того, практически все государства – соседи России балансируют на тонкой грани демократического национализма и этнократии. Ряд стран фактически скатился к этнократии, породив отток жителей «нетитульных» этнических групп в 1990-е годы и создав сложные условия для жизни этническим меньшинствам, в первую очередь, русскоязычным. Данное обстоятельство идёт вразрез с американскими идеалами многоэтнического «плавильного котла», в котором никакая этническая группа не может претендовать на звание «титульной». Как представляется, из постсоветских государств таким требованиям в наибольшей степени соответствуют Россия и Белоруссия, отчасти – Украина.

- *Россия является «спойлером» – стремится нанести ущерб интересам США как на пространстве СНГ, так и за его пределами. В силу стремления Москвы к безудержной экспансии её интересы в странах-соседях никогда не будут соответствовать американским [8].* В качестве возражения можно заме-

титель, что Россия оказывала активное противодействие американскому влиянию на страны СНГ, только если Вашингтон поддерживал в этих государствах исключительно антироссийские силы (например, этнократов, стремящихся сформировать новый национальный миф на основе представления о враждебности России). Такая реакция со стороны России может быть оправдана как с прагматической, так и с психологической точки зрения.

В любом случае, при администрации Обамы Вашингтон постепенно приходил к осознанию того факта, что за двадцать лет существования СНГ вокруг России сложилась достаточно «плотная» международная среда из государств, доказавших свою способность к более или менее успешному автономному существованию. Многие из этих стран получили серьёзную американскую поддержку на пути нациестроительства (Украина), другие в полной мере задействовали внутренние источники поддержания стабильности и роста (месторождения углеводородов Азербайджана, Казахстана, Туркмении).

В таких условиях и без участия США Москва не смогла бы получить полную свободу рук, достигнуть доминирования и – тем более – конвертировать его в подобие Советского Союза, восстановление которого воспринимается Вашингтоном как серьёзнейшая угроза национальной безопасности.

Даже если бы США снизили уровень противодействия российскому влиянию в СНГ (тем самым сняв крупнейшие раздражители в российско-американских отношениях), Вашингтон имел бы все основания рассчитывать на то, что страны – соседи России при необходимости сами уравнили бы Москву как поодиночке (в отдельных сферах), так и (в самом негативном для них сценарии) совместными усилиями. К примеру, в 2009–2010 гг. Белоруссия позволяла себе конфликтовать с Россией, находясь практически в полной международной изоляции. В Центральной Азии Китай выходил на позиции ключевого игрока не только в сфере торговли и инвестиций, но и в области безопасности, создавая противовес российскому влиянию. Из государств Закавказья только Грузия столкнулась бы со сложностями в поддержании внутренней стабильности в отсутствие поддержки со стороны Вашингтона.

В такой ситуации ряд американских экспертов призывал администрацию Обамы оценивать целесообразность сотрудничества с теми или иными государствами СНГ исходя из максимально широкого круга соображений, центральную роль среди которых стали бы играть проблемы глобальной безопасности. По мнению этих специалистов, было бы непродуктивно с точки зрения американских интересов беспокоиться лишь только о том, как сбалансировать влияние Москвы, а также об узком круге вопросов энергетической безопасности и транзита грузов и войск в Афганистан [7]. Взамен предлагалось искать долгосрочные пути взаимовыгодного экономического и культурного обмена со странами – соседями России. Идеи форсированной трансформации политических режимов на пространстве Евразии подвергались критике ввиду непредсказуемости краткосрочных последствий, неопределённости долгосрочной выгоды, а также гарантированного ущерба от таких действий для отношений США с Россией.

* * *

На протяжении 2009–2010 гг. политика администрации Обамы в отношении государств СНГ, включая Россию, помогла заложить важный фундамент для разрешения застарелых конфликтов и иных противоречий на пространстве Евразии. Мобилизующее воздействие на игроков на этом пространстве оказали задекларированные цели Вашингтона более глобального порядка, чем те, которые преследовались предыдущими американскими администрациями.

Как показал опыт развития международных отношений в СНГ двух предыдущих десятилетий, поэтапное разрешение проблем безопасности и экономического взаимодействия в соседних с Россией странах с участием «третьих» сил не приносит ощутимых результатов. В ситуации, когда конфликтующие стороны не видели вокруг себя ничего, кроме противника, противоречия зачастую «загонялись вглубь» взаимными обвинениями сторон, что затем приводило к острому кризису, как война в Южной Осетии августа 2008 года.

Это происходило ввиду отсутствия обсуждений «общей картины» как окончательной цели, к которой стремились бы участники процесса, включая региональные и влиятельные внерегиональные державы. Почва для дискуссий по «общей картине», как представляется, созрела давно – как минимум к началу 2000-х годов. Для таких обсуждений требовался только отказ сторон от узкой трактовки своих целей и готовность вписать их в конечный результат комплексных переговоров.

Возможность всестороннего обсуждения желаемой ситуации появилась с приходом к власти Б. Обамы, изменением американской внешнеполитической повестки дня и появлением позитивной реакции на это стран СНГ. В ситуации, когда общие цели понятны: борьба с «переливанием» экстремизма и поставками наркотиков из Афганистана, заинтересованность в стабилизации этой страны, нераспространение ядерного оружия и других видов ОМУ, предотвращение региональных раундов гонки вооружений в Закавказье, – можно ожидать организованных усилий стран СНГ, США, других государств по их совместному достижению. Вместе с тем, «окно возможностей» может закрыться, как только будет утеряно чувство совместного движения по «дорожной карте» и появятся основания для взаимных подозрений в попытках извлечь одностороннюю выгоду, избегая соответствующих издержек.

Список литературы

1. *Косырев Д.* Все трубопроводы должны идти через Россию? Аналитика // РИА «Новости». 15.12.2009 (<http://rian.ru/>).
2. *Троицкий М.* Уйти от сдерживания. Длинные циклы российско-американских отношений // Россия в глобальной политике. Сентябрь–октябрь 2010. С. 50–59.
3. Assistant Secretary for European and Eurasian Affairs Philip H. Gordon. Remarks at the Center for Transatlantic Relations. Paul H. Nitze School of Advanced International Studies. Johns Hopkins University. Washington. 18.10.2010 (<http://www.state.gov/>).
4. Assistant Secretary of State Philip J. Crowley. Daily Press Briefing. Washington. 22.07.2010 (<http://www.state.gov/>).

5. *Charap S.* There Is No One under the Bus // Foreign Policy. 16.06.2010 (<http://www.foreignpolicy.com/>).
6. *Charap S.* The Transformation of US-Russia Relations // Current History. October 2010. P. 281–287 (<http://www.americanprogress.org/>).
7. *Charap S., Petersen A.* Re-Imagining Eurasia // Foreign Affairs. 20.08.2010 (<http://www.foreignaffairs.com/>).
8. *Cohen A.* Russia Bears down. Obama's 'Reset' Button Is Broken // Washington Times. 19.08.2010 (<http://www.washingtontimes.com/>).
9. National Security Strategy (of the United States of America). May 2010 (<http://www.whitehouse.gov/>).
10. *Rogin J.* Washington Won't Mediate between Russia and Georgia on WTO // Foreign Policy. 29.10.2010 (<http://thecable.foreignpolicy.com/>).
11. Secretary of State Hillary Rodham Clinton. Joint Press Availability with Armenian Foreign Minister Eduard Nalbandyan. Presidential Palace. Yerevan, Armenia. 4.07.2010 (<http://www.state.gov/>).
12. Secretary of State Hillary Rodham Clinton. Joint Press Availability with Azerbaijani Foreign Minister Mammadyarov. Heydar Aliyev International Airport. Baku, Azerbaijan. 4.07.2010 (<http://www.state.gov/>).
13. Secretary of State Hillary Rodham Clinton. Joint Press Availability with Georgian President Saakashvili. Presidential Palace. Tbilisi, Georgia. 5.07.2010 (<http://www.state.gov/>).
14. Secretary of State Hillary Rodham Clinton. Speech at Town Hall of Kyiv Polytechnic Institute. 2.07.2010 (<http://www.state.gov/>).
15. *Starr F.* A Partnership for Greater Central Asia // Foreign Affairs. July-August 2005. P. 164–178.
16. *Waal Th.* Remaking the Nagorno-Karabakh Peace Process // Survival. August-September 2010. P. 159–176.
17. *Zakharía F.* The Post-American World. New York: W.W. Norton & Co, 2009. 292 p.